ГЛАВА I

Наша прабабушка Гринграсс потеряла указательный палец — мясник ей его оттяпал, когда она покупала телятину. Она показала пальцем, сколько ей отрубить, а потом решила, что этого будет маловато, и опять показала. А мистер Грамметт, мясник, к несчастью, уже ударил острым своим секачом. Он приложился в аккурат по пальцу, рубанул по нему, как по какому-нибудь сучку, и палец отлетел в угол на кучу опилок. Трудно сказать, кто больше испугался, мясник или бабушка Гринграсс. Во всяком случае, она его не винила. Она сказала так:

— Я же никогда не умею сразу решить, чего и сколько, это моя вечная беда, мистер Грамметт.

То есть я, конечно, не уверена, что прабабушка Гринграсс сказала именно так, потому что она умерла очень-очень давно, ещё за много лет до того, как я родилась на свет, и до того, как появились автомобили на улицах, аэропланы в небесах и электрические лампочки в домах. Но моя бабушка — её

звали Эмили Гринграсс — рассказывала, что именно так оно и было, и я верю, потому что все её дети, Полл, и Тео, и Джордж, и Лили, тоже всегда ей верили.

Эмили Гринграсс очень хорошо рассказывала всякие истории. Лучшие из них были про Норфолк, где она родилась и жила, пока не вышла замуж за Джеймса Гринграсса и тогда уехала в Лондон. Одна её знаменитая история повествовала про бедного свинопаса, у которого передохли все свиньи. Он был в отчаянии, жена и дети на краю голодной смерти. И вот однажды ночью явился ему во сне чёрный монах и сказал: «Копай вон там, под тем дубом, найдёшь сундук с золотом...»

Полл и Тео, когда были маленькими, с удовольствием слушали эту историю, но теперь они предпочитали слушать про бабушку Гринграсс, как ей мясник Грамметт палец отрубил. Интересней, чем какая-то сказка: во-первых, это всё-таки случай из их собственной семейной истории, а ещё оба они, конечно, были кровожадненькая парочка.

Хотя по виду не скажешь. Полл было девять лет, личико розовое, волосы длинные и жёлтые, как брюшко утёнка. А Тео такой мелкий и тощий, что все думали, будто он младше сестры, хотя ему было уже десять с половиной. «Весь не толще штопальной иглы» — так его мама, которая была портнихой, про него говорила. И вообще, все, кто впервые видел его деликатное телосложение

и большие застенчивые глаза, считали его невинным ангелочком.

А на самом деле именно Тео однажды серым ноябрьским днём, выслушав в сотый раз про бабушку Гринграсс, заявил:

— Ну, а дальше что? Кровь била фонтаном, да?

— Да нет, — сказала мама, — крови всего капелька, не больше, чем когда хвост у щенка откусывают. Во всяком случае, так сказала ваша тётя Сара, а она сама всё видела, хотя помочь уже ничем не могла. Конечно, взяла бы и пришила его на место, тот палец, но Сара никогда не была слишком умелой. — И при этом мама вроде как бы фыркнула. — Хотя по части школьных уроков она была умница, это да.

— Вот ты бы, конечно, пришила, правда, мама? — сказал Тео с уверенностью. — Как жаль, что тебя там не оказалось. Но как ты думаешь: кость срослась бы?

Мама встряхнула батистовую сорочку, которую она шила для Полл, расправила оборки на лифе.

— Не скажу — не знаю. Может, и срослась бы. Бабушка была здоровая, крупная женщина.

Полл спросила:

— А как это, ты сказала, у щенка хвост откусывают?

— А конюх из поместья всегда так делал. Как вам известно, моя мать служила там кухаркой, и я сама видела, как этот конюх брал одного

за другим щенков из нового выводка, откусывал хвостик по суставу и выплёвывал, раз — и готово. Способ самый милосердный, говорил он, без суеты и шума, а щенок только пискнет, и всё.

Полл сама взвизгнула при этих словах; Лили, которой уже исполнилось четырнадцать, издав тихий стон, зажмурила глаза, а Джордж, на год старше Лили, только откашлялся, поднял очки на лоб и захлопнул свою книгу. Он считал, что уже перерос мамины сказки, и делал вид, что не слушает.

Полл и Тео глядели на Лили. Она как раз накрывала на стол к чаю, но тут замерла в неподвижности, зажмурив глаза и прижав руку к сердцу — будто от приступа ужасной боли. Лили была артистка хоть куда, не хуже, чем её мать — рассказчица. Удостоверившись, что привлекла всеобщее внимание, она открыла глаза, печально покачала головой и вздохнула. Потом поглядела на мать и молвила с мягким упрёком:

— Я буквально потеряла сознание на мгновение. Зачем ты рассказываешь им такие ужасы?

— Они ей самой нравятся, вот и рассказывает, — откликнулся Джордж. — А у этой пары мамочкины вкусы.

— Которые как раз не следовало бы поощрять! — Лили опять глубоко вздохнула. — Если уж ты считаешь, мама, что им необходимы всякие истории, то почему бы тебе не рассказать им что-нибудь приятное? То, что принесёт пользу? Почитала бы им

«На крыльях ангельских» или, как папа, «Книжку для малышей».

— Пусть лучше познакомятся с реальной жизнью. Не вижу, какой от этого вред, — сказала мама, и голос её звучал гораздо мягче, чем в иных случаях, когда ей перечили.

С Лили она всегда была такая — а почему, спрашивается? Полл никогда не могла этого понять и даже злилась. Может быть, мама любит Лили больше всех? А если не больше, то зачем она ей так улыбается, будто выпрашивает у своей рослой красивой дочки ответную улыбочку?.. Уф! Полл просто кипела от таких мыслей.

Джордж сказал:

— Никакого, разумеется. — Он хлопнул книгой об стол, так что чашки запрыгали. Встал, потянулся, зевнул. И усмехнулся, глядя на маму сверху вниз. — Никакого вреда, пока они здесь, в тепле и ласке, сидят себе у огонька, при газовом свете, и занавески на окнах, и чай на столе. От этих маминых побасёнок жизнь только уютней кажется!

Джордж нередко бывал прав, и это тоже раздражало Полл. Вот и на этот раз: Полл и Тео действительно любили всякие жуткие истории, потому что собственная их жизнь была вполне спокойная, никаких таких страстей не знала и не сулила. Да и с чего бы. У их семьи был свой кирпичный дом в зелёном лондонском пригороде — такие вот

домики обычно имеют в виду, когда говорят «мой дом — моя крепость». И денег хватало, чтобы в этой крепости всегда было тепло и сытно. Их отец расписывал экипажи — такая у него была работа в фирме «Роуленд и сын», а коронная его специальность — рисовать гербы на дверцах самых знатных карет. Дело тонкое, жалованья три фунта и десять шиллингов в неделю — деньги по тем временам немалые, позволявшие их маме держать девушку по имени Руби, которая помогала ей по хозяйству, а дочкам носить панталончики с настоящими кружевами, а Тео — зелёную бархатную с кружевным воротничком курточку по праздникам.

Но было в доме и кое-что поважнее: весёлая молодая мама и высокий красивый отец; они каждое воскресенье вывозили ребят за город — в Кью

или в Хэмптон-Корт — или по субботам на карнавал, на ярмарку, а то и в театр. Там выступал комик Дэн Лено или сиамские близнецы, которые спинами срослись, обе прямые, как куколки, и каждая играла на ксилофоне. Отец всегда делал детям подарки. Не только на именины, или на Рождество, или на Валентинов день, но в другие дни тоже — и не просто подарки! На каретные гербы шло сусальное золото, и он иногда приносил домой маленькие обрезки и остатки, из них дети клеили рождественские открытки. За неделю до того ужасного события, которое навсегда перевернуло их жизнь, он принёс целую жестянку — крохотные лоскутки настоящего рыжего золота, тоньше папиросной бумаги...

Полл была трудным ребёнком, самым непослушным в семье. И вот в один из её непослушных дней случилась ужасная вещь. День вообще выдался мрачный, на улице туман гуще горчицы, да ещё с пылью, на зубах скрипит. Тео не пустили в школу, потому что у него слабые лёгкие, и, когда Полл вернулась домой, она была уже вся сердитая. Целый день она проторчала в холодном классе, часть времени — в углу в дурацком колпаке из зелёной бумаги, который вонял клеем. А в это время мама и Тео сидели себе дома и секретничали! Полл любила брата, но была по натуре ревнивая, и когда она, еле прокашлявшись от этого тумана — руки-ноги холодные, как лягушки, —

вошла в дом и обнаружила Тео на том месте, о котором сама мечтала, — перед камином и у мамы на коленях... «Хоть бы ты умер совсем!» — подумала Полл. Уж если кто ребёнок в этой семье, так это она, разве не так?

И за столом она вела себя плохо. А в те времена считалось, что дети должны себя вести хорошо. И хотя Эмили Гринграсс была не такой строгой, как многие другие мамы, но насчёт поведения за столом она придерживалась самых суровых понятий. «Сиди прямо», «Не разговаривай с набитым ртом», «Убери локти со стола, сколько раз тебе повторять», — повторяла она неустанно.

В тот вечер Полл не раз выслушала всё это, и наконец мама сказала:

— Ну вот что, милая моя, хватит! А ну-ка — под стол!

Полл было всё равно. Она уже поела, сколько хотела, — она вообще ела много и быстро, не то что Тео, который вечно набьёт полон рот, и, пока прожуёт один кусок, свежие мамины пирожки из песочного теста, хрустящие, только из духовки, сочащиеся маслом, делались сухими, как картон какой-нибудь. Полл и чаю попила, успела, так что под столом ей было даже приятно. Крахмальная белая скатерть свисала почти до полу, и получалось славное надёжное убежище, где можно вести себя как тебе нравится: никто не видит. На коричневом линолеуме узор в светлую клетку, как маленькие